

ПЕТР ВЯЗЕМСКИЙ

О НОВОМ
ФРАНЦУЗСКОМ ПОЭТЕ

Петр Андреевич Вяземский О новом французском поэте

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=24507500

Аннотация

«В Париже напечатаны на-днях стихотворения Ахилла дю-Клезьё (Achille du Clésieux) с замечательным предисловием знаменитого Балланша. Предлагаем читателям *Современника* несколько выписок из него...»

Петр Вяземский

О новом французском поэте

В Париже напечатаны на-днях стихотворения Ахилла дю-Клезьё (Achille du Clésieux) с замечательным предисловием знаменитого Балланша. Предлагаем читателям *Современника* несколько выписок из него.

«Г. дю-Клезьё один из современных поэтов, на которого глаза мои обращены с некоторым особенным вниманием и участием. Легко объяснить причины тому. Голос его сливается с пением, которое исходит из Фивавды, совершенно чуждой слуху и голосам света нашего. В виду сего общества, столь всемогущего над вещественностью, над временем феноменальным, которое оно сокращает, над пространством, которое уничтожается пред его властью; в виду сего общества, столь страстного, когда дело идет о земных выгодах фортуны, уюта и довольстве общежития, о личном уважении, возникает другое общество, мыслящее и умозрительное: оно требует выгод, более возвышенных, власти, более самобытной над своими склонностями и направлениями, сберегает часы досуга своего на созерцание судеб человеческих, на тайные и душевные соотношения с Создателем. Сие общество верит, что наше пребывание на земле не что иное,

как подобие весьма несовершенное пребывания, ожидаемого нами и нам обетованного в другом отечестве, которое есть настоящая наша родина; сему обществу, наконец, и самые возвышенные и законные чувства любви его и самые благороднейшие стремления его казались бы весьма недостаточными и скоротечными без проявления в них понятия и чувства о Боге.

Сие общество, гонимое во времена первобытной Церкви и во времена уныния и утомления доблести (*de la défaillance de la vertu*), господствующее над всеми понятиями средних веков, торжествующее и победоносное в великие эпохи истории религиозной, сие общество, по видимому, малолюдное, но всегда сильное по самому свойству своих желаний, своих упований и убеждений, сие общество, которое умеет проявлять неотвергаемые назидания для направления и самых человеческих действий и событий, и светозарные лучи для освещения глубоких тайников веры, ныне, общество сие только в изливаниях поэзии одинокой может выражать тоску и сетования изгнания.

И сия поэзия, которая от времени до времени вполне отдается в избранных душах, забрасывает и в другие души несколько звуков, которые их поражают изумлением.

Между-тем она действует неведомо от них самих на умы гордые и упоенные, дабы их несколько покорить: они упорствуют, но они поколеблены.

Безпрестанно несколько человек пробуждаются от своих

ежедневных и житейских попечений и говорят друг-другу евангельские слова: „не о едином хлебе жив человек“. Они говорят еще: И так, в недрах человеческих таятся страдания, которые не принадлежат ни телу, ни страстям раздражительным или пресыщенным.

И сия одинокая поэзия Фивайд, неведомых миром, более и более исходит из своей пустыни. Она также любит и воспеваает природу, но любит и воспеваает ее как выражение благодати бесконечной. Скорби изгнания и радости небесной отчизны непрерывно повторяются в песнях г. дю-Клезье, как сменяющиеся припевы.

Другое свойство поэзии его знаменуется тем, что она прямо обращается к душе, почти вовсе минуя воображение: она отличается тем от музыки, хотя, впрочем, облечена её сладкозвучием мечтательным и идеальным. Сверх того, она сострадательна и милостива как любовь.

Я имел намерение истолковать смысл трех частей, из коих составлена сия книга; но они совершенно выражены особым заглавием, приданных каждой части, и эпиграфом, выставленным перед каждою частью; эпиграфы в некотором отношении печать, которая наложена на самую книгу, и самая книга, так сказать, сжатое и нераздельное выражение сих эпиграфов. Они извлечены из книги: *О подражании Иисусу Христу*, которая объемлет всю христианскую жизнь в высшем её значении.

Считаю однако же необходимым предостеречь, что не

должно строго взыскивать за излишние некоторые звуки, подобных тем, которые вырвались из груди Иова. Скорбь не может совершенно подавить голос свой посреди ликований упования, посреди убеждений, посланных и при жизни сей малому числу душ, предызбранных и одаренных особою благодатью. Не должно также строго взыскивать за излишнее изобилие и плодовитость некоторых стихотворений. Тут является род борьбы Иакова с Ангелом; но Ангел был слишком опасный и грозный боец – и Иаков остался уязвленным».

Чтобы познакомить наших читателей с самым талантом поэта, который нашел в Балланше столь красноречивого и убедительного ходатая, сообщаем им выписки из одного его стихотворения, надписанного к В. Гюго, в ответ или в опровержения на некоторые нерелигиозные выражения, вкравшиеся в поэму его на перенесение смертных остатков Наполеона. Читатели, хотя несколько знакомые с новейшею школою Французской литературы, не раз замечали без сомнения, с каким нерриличным и святотатственным легкомыслием она, кстати и не кстати, к-речи и нет, заимствует часто уподобления свои из предметов и понятий, доступных одному немому благоговению и молитвам, и огражденных святынею от общего и житейского употребления. Приводимое здесь стихотворение одушевлено негодованием против сего своеволия мысли и поэзии.

Le Christ déraciné tremble sur le Calvaire.

Cette parole impie a besoin d'un pardon;
Non, ce mot n'ira pas, furtif et funéraire,
Dans ta tombe, o Napoléon!

Peut-être, en dédaignant ce deuil qui t'entourne,
O grande ombre éblouie à bien d'autres splendeurs!
Tu n'as bien retenu, de ces chants qu'on te donne.
Que ces seuls mots profanateurs?

Peut-être quand l'orgueil évoque tant de gloire,
Tandis qu'avec le Christ tu comptes seul à seul –
Les voyant oublier ta plus belle victoire,
Tu tressailles dans ton linceul?

Il ne se souvient pas, le barde du génie,
Des dernières lueurs qui dorèrent ton front;
De ta main qui pressait la croix dans l'agonie –
Il n'eut pas vomi cet affront.

Oh! pourquoi, tout à coup, par la vertu divine.
Ne te dresses tu pas debout dans ton cercueil,
Les bras croisée encore sur ta vaste poitrine
Et dardant l'éclair de ton oeil?

Silence! Il se ferait un effrayant silence...
Les innombrables voix se glaceraient soudain...
Mais Dieu n'a pas voulu de cette scène immense,
Il t'a couché froid sous sa main.

Cadavre aussi néant que la poussière immonde
Mais qu'il doit réveiller au jour de ses décrets;
Soleil éteint déjà par delà notre monde,
Qui projette encore des reflets.

Et l'Océan nous rend la tombe impériale...
Le siècle la reèoit pour prier et bénir...
Et c'est alors, poète à la lyre fatale,
Que tu doutes de l'avenir!

C'est alors qu'à tes yeux la croix divine tremble;
Mais lève donc le front... Regarde, que vois tu?
Un temple étincelant où Napoléon semble
Etre attaché comme un vaincu.

Un pontife à l'autel, de l'encens qui s'allume,
Des hymnes éperdus, de joie et de douleur;
Un peuple haletant comme un coursier qui fume
Et s'abat au char du vainqueur.

Le vainqueur!.. Ce n'est pas l'illustre capitaine:
Tu nous montres le ver prêt à le dévorer,
L'éternité l'étreint de sa main souveraine;
C'est pour lui qu'il faut implorer.

C'est pour lui que la gloire incline avec la France
Ces armes, ces drapeaux tachés de tant de sang;
C'est pour lui que les coeurs, inondés d'espérance,
Disent au Christ: «Toi seul es grandi»

